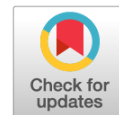

Легитимность права в условиях конкуренции идентичностей и мультикультурализма

Исаева Н. В.,

кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой конституционного,
административного и финансового права
Ивановского государственного университета

Аннотация. В статье рассматриваются причины и предпосылки, осложняющие процессы легитимации права в условиях глобальной миграции и избранной современными государствами политики мультикультурализма, основанной на этатистско-патерналистском подходе, порождающем иждивенчество и социальные конфликты, а также конкуренцию идентичностей, прежде всего, религиозно-этнической и правовой. Правовая идентичность отличается от религиозной тем, что она ориентирована на правовую систему и общество в целом, а религиозная — на часть общества, что может породить социальный конфликт и противостояние отдельных сообществ и общества в целом. В целях преодоления конкуренции автор обосновывает необходимость обращения к методологии и практике, основанных на признании способности человеческой личности к формированию и освоению заложенных в праве ценностей и смыслов, использовании их для самопонимания и самореализации, достижения правовой идентичности — правового качества, исключаящего неправомерное поведение как фактор, нарушающий целостность личности, ее самость, а вместе с этим и фактор, обеспечивающий устойчивость правопорядка и легитимность права.

Ключевые слова: легитимность, право, личность, идентичность, правовая идентичность.

В начале несколько вводных положений относительно используемой терминологии и методологии. Легитимность (от лат. *legitimus*) — признание народом права государства (государственной власти) принимать решения, обязательные к исполнению. В классическом подходе легитимность рассматривается как признание субъектами права существующего правопорядка, действующего в рамках той или иной правовой системы. В антропологической методологии представляется необходимым обратить внимание на другой, не менее важный, аспект легитимности: признание правовой системой способности и потребности субъекта права осваивать предлагаемые ею правила и процедуры.

Теория и практика идентичности, несмотря на критику, продолжают выполнять как научно-познавательную функцию, так и социально-личностную. На слуху этническая, национальная, религиозная, гендерная, профессиональная и другие идентичности.

В философии идентичность рассматривается применительно к индивидуальному и коллективному субъектам. Для индивидуального социального субъекта она выступает как функция его бытия, «осознания им тождества “Я вчера” и “Я завтра” и своих отношений

с другими»¹. Относительно коллективного субъекта идентичность «означает и переживание им своего единства, целостности, групповой сплоченности, во-первых, и своих интересов, своего места в социальном пространстве, во-вторых»².

В научном понимании идентичность — это категория, которая применяется для описания социальных субъектов в качестве относительно устойчивых, тождественных самим себе целостностей. Идентичность рассматривается как некая структура, качество индивидуального или коллективного субъекта, возникающее как результат его взаимодействия с обществом. Идентичность может быть ориентирована как на формирование и защиту индивидуальности (Я, Мы), так и на приобщение и отстаивание коллективного, общественных норм и ценностей. Идентичность связывают с самосознанием, самоосознанием, самоопределением, самоидентичностью, целостным образом, составленным субъектом (индивидуальным или коллективным) о самом себе. Идентичность

¹ Рябов О. В. Национальная идентичность: гендерный аспект (на примере русской историософии). Дисс. ... докт. философ. наук. Иваново: Изд-во ИвГУ, 2000. С. 21.

² Там же. С. 22.

всегда ориентирована на формирование положительного образа себя в индивидуальном или коллективном сознании. Она обусловлена пространственно-временными атрибутами: «... Образ Я, образ Другого, образ Группы, образ Времени» являются неперенными элементами социального мира, требующими когнитивной работы человека³.

Мультикультурализм представлен как научная теория и как идеология и практика, реализуемые, прежде всего, как одно из направлений государственной политики, нацеленное на сохранение и развитие в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий. Особое значение мультикультурализм получил в условиях так называемой поощряемой или контролируемой миграции европейскими странами, США.

Как показывает опыт, миграционная политика государства, как правило, использует стратегии ассимиляции, сегрегации и интеграции. Выбор стратегии в немалой степени обусловлен состоянием принимающего государства и общества. Западное общество во второй половине XX в. характеризовалось, несмотря на методологические поиски науки, вполне устоявшимися представлениями людей об их месте в социальном пространстве, путях и способах его достижения и удержания, обеспечения стабильности образа мыслей и жизни, в том числе правовыми средствами, важнейшими из которых полагаются права и свободы человека и гражданина. Именно правовые возможности в немалой степени и обусловили привлекательность эмиграции из так называемых стран третьего мира, где уровень социально-правового комфорта был значительно ниже. Различия в возможностях потребления и рассматривалось многими европейцами как основополагающее в мультикультурализме, и политика государств ориентировалась на социально значимые проекты, которые, в конечном счете, породили существенный слой *иждивенцев, не включенных в полной мере в социокультурное пространство принимающего общества*.

Следует иметь в виду, что мигранты прибывали из стран, характеризующихся не только низким уровнем экономического развития, но иной культурой в целом. Как правило, это были традиционные общества, для которых свойственно *соединение* этических, религиозных и правовых составляющих и определяющих индивидуальное и коллективное мировоззрение. Люди приезжали с устоявшимися представлениями о самих себе, но это были представления о «Я вчера». Очевидно, что они строили

планы на будущее, которые требовали полноценной интеграции в общество. Однако инклюзия предполагала два равно важных аспекта: желание принятия нового правопорядка мигрантами, с одной стороны, а с другой — создание условий со стороны правопорядка для его принятия. Важнейшим из этих условий должно было стать признание формального равенства социальных субъектов, их ценности как субъектов права, способных это право признавать в полном объеме, отказ от различения своих и иных.

Практика показала, что ни та, ни другая сторона не были готовы к полноценному признанию, что приводило к конфликтам. Нередко эти конфликты обуславливались непродуманным и противоречивым законодательством принимающей страны: с одной стороны — законы, разрешающие следование требованиям религиозного культа (обязательная молитва), а с другой — запрещающие религиозные символы. Установление социальных выплат вместо равной возможности занятости, получения образования («тупиковые» школы в ФРГ). Государственная поддержка религиозно-этнических традиций (многоженства во Франции), приводящая к злоупотреблению правом; обособление мигрантов по этническому признаку (фактически сегрегация) и многое другое.

Такая практика мультикультурализма исключила полноценную возможность формирования правовой идентичности. Право принимающей стороны не стало необходимым элементом выстраивания будущего «Я завтра». В целом государство не предложило значимых для человека правовых возможностей самопознания через установленные права, поскольку в полном объеме пользоваться ими мигрант не мог. (Проблема обсуждалась в ФРГ, когда мигранты из Турции требовали, чтобы их дети получали такое же образование, как немцы). Акцент на религиозных и этнических особенностях спровоцировал конкуренцию идентичностей, в частности, религиозно-этнической и правовой. Это коснулось, прежде всего, мигрантов из стран исламского мира.

Провозглашая свободу совести и культурную толерантность, западное государство не учитывало, что «...для личности, приемлющей религиозное мировоззрение, в шкале жизненных ценностей определяющими выступают аксиологические характеристики соответствующей религиозной системы»⁴. Вместе с тем, не следует забывать, что государство устанавливает

³ Белинская Е.П. Временные аспекты «Я»-концепции и идентичности // Мир психологии. 1999. № 3. С. 140.

⁴ Логинов А.В. Этико-правовые основы свободы совести как предпосылки свободной самоидентификации личности // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 29.

пределы автономии свободы совести с учетом сложившихся исторических и социокультурных условий. И с этой точки зрения, поощрение религиозности мигрантов, включая нехарактерные, например, для европейской религиозной традиции формы исповедания веры, создает некомфортные условия для других людей, которые могут не знать основ исламской культуры.

Культурологический конфликт обусловлен разным типом мышления, формирующимся в определенной среде. Политика изоляции мигрантов, к которой в конечном итоге пришли западные государства, не создает условий для полноценного изменения типа мышления. Само государство и предлагаемые им правовые возможности не включаются в картину понимания человеком себя и мира вокруг, а государство и общество не становятся значимым «Другим» в восприятии мигранта. Таким образом, возникает проблема легитимности права в тех его положениях, которые не совпадают с культивируемым и поддерживаемым группой мировоззрением и идентичностью.

Очевидно, необходимо ставить вопрос не только о создании условий для поддержания религиозной идентичности, базовой характеристикой которой «является **состояние религиозности**»⁵, но и для формирования правовой идентичности⁶.

Трудно не согласиться с Б. А. Венгером, отмечающим, что роль и ценность права как основной регулятивной системы, формирующей цивилизованное общежитие человечества, растет в условиях глобальных угроз и всепланетарных экономических связей. Соответственно, совершенствуется и юридическое мировоззрение, которое становится условием благополучного существования индивида, его коллективных образований, общества⁷. Однако формирование нового юридического мировоззрения возможно лишь в том случае, если закон хотя бы в минимальной степени выражает «экспектации населения и правоприменителей»⁸.

⁵ Тощенко Ж. Т. Религиозная идентичность и бюрократия // Там же. С. 49.

⁶ Авторская позиция изложена более чем в сорока научных работах. См., например: Исаева Н. В. Правовая идентичность: проблемы теории и практики. Иваново: ИВГУ, 2009; она же. Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование). М.: Юрлитинформ, 2013; она же. Правовая идентичность как категория права и теоретико-правового анализа. М.: Юрлитинформ, 2014; и др.

⁷ Венгер А. Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000 (гл. 20); <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1137>.

⁸ Постклассический подход к правовому регулированию и эффективности права / Честнов И. Л. // Эффективность правового регулирования: монография / Под общ. ред. А. В. Полякова, В. В. Денисенко, М. А. Беляева. М.: Проспект, 2017. С. 82.

Очевидно, что ожидания мигрантов должны быть изучены и отражены в устанавливаемых государством правилах. Только в этом случае заложенные в них ценности и смыслы станут понятными и приемлемыми.

Вместе с тем, право, выступая самостоятельным объектом идентичности социального субъекта, требует не только внешней лояльности, но и духовных усилий в определении его телеологической и смысло-жизненной направленности. Только с участием права можно решить проблему полноценной социализации, а в научном плане сформировать целостное представление о социальном субъекте — индивидуальном или коллективном. Идентичность ориентирует внимание исследователя на человека в его взаимоотношениях с правом на сущностном (субъектном, онтологическом) уровне, когда право рассматривается не столько как внешний регулятор, сколько как фактор, способный изменить внутреннее качество человека. Тем самым идентичность становится качественной правовой характеристикой социального субъекта.

Правовая теория идентичности, на наш взгляд, должна включать три уровня познания: философско-правовой, теоретико-правовой и отраслевой.

Именно в теоретико-правовом аспекте и будет рассматриваться проблема конкуренции идентичностей в данной статье. Субъект права исследуется в конкретных социокультурных условиях и в рамках конкретной правовой системы, предлагающей тот или иной господствующий тип правопонимания и источники права, выступающие формальными основаниями идентичности. Основания влияют на вид идентичности, которая получает в данном случае название правовой.

В контексте общей теории права авторский подход основывается на выделении трех аспектов правовой идентичности:

с *объективной* точки зрения — это *качественная характеристика субъекта права*. С этой позиции можно исследовать индивидуальный или коллективный субъект права в его проявлении в правовой сфере в юридически значимых действиях;

с *субъективной* точки зрения — это *правовое качество социального субъекта*, сформированное на основе *ценностного и интеллектуально-волевого восприятия*, представленного правовой системой правового статуса (правового положения) как сущностного элемента самопознания, саморегуляции и самореализации. Это правовое качество обеспечивает *самотождественность* субъекта в правоотношении; определяет его *положительное правовое сознание* и получает выражение в *актуальном*

юридическом самоопределении субъекта посредством прав, обязанностей и ответственности в правомерном поведении;

с научной точки зрения — это категория анализа правовых явлений, метод, позволяющий выбрать направление и пути исследования, способы постановки и достижения целей, приемы освоения правовой реальности в теоретических и практических целях⁹.

С объективной стороны можно исследовать и характеризовать индивидуальный или коллективный субъект права в его проявлении в правовой сфере. Это происходит в юридически значимых действиях, которые обнаруживают наличие, состояние или отсутствие правового качества¹⁰:

достигнутая правовая идентичность характеризуется устойчивостью самостоятельно и целенаправленно познанных, принятых и признанных правовых ценностей и смыслов, стабильностью правомерного поведения, исключением неправомочности как нарушения целостности личности;

предрешенная или принятая правовая идентичность может рассматриваться как определенная и достаточно устойчивая система правовых ценностей, убеждений и обязательств, однако, сформированных под влиянием внешних обстоятельств (принуждение), правомерное поведение не коррелируется утратой самости, но страхом наказания, неблагоприятных последствий правонарушения¹¹;

мораторий идентичности означает состояние поиска оснований и механизмов (самостоятельно или под влиянием внешних обстоятельств) самопознания, социализации и самореализации посредством ценностей и смыслов права, *неопределенность и неустойчивость* системы правовых ценностей, убеждений и обязательств, выражается в чередовании правомерности и неправомочности поведения с высокой степенью рискогенности последней. Это состояние, как правило, характерно для лиц, приезжающих в иные социокультурные условия, отличающиеся от ранее привычного образа жизни. Для них актуализируется вопрос новой индивидуальности и социальности, выборе новых потребностей и ценностей, путей и способов их достижения;

*диффузная*¹² правовая идентичность может быть охарактеризована как отсутствие права в системе ценностей и смыслов, определяющих жизнедеятельность социального субъекта. Однако она может быть вызвана разными обстоятельствами, прежде всего, конкуренцией идентичностей, например, религиозной, когда правомерность поведения детерминруется религиозными ценностями и правилами. В этом случае неправомочность может быть обусловлена незнанием правовых предписаний (вариант проявления юридической несвободы). Отсутствие чувства правовой идентичности в этом случае порождает неуверенность, пессимизм, апатию. Более опасным в этом состоянии по своим социальным последствиям обстоятельством является подмена правовых ценностей антиправовыми. Это может быть обусловлено конфликтом ожиданий и притязаний мигрантов и реально предоставляемыми принимающей стороной возможностями. В результате формируется антиправовая идентичность, актуализирующая в самоопределении чувство превосходства, вседозволенности. Ее достижение имеет целью противопоставление группы (сообщества) обществу в целом, что собственно нередко и происходит в мигрантской среде¹³.

под воздействием угрозы оружием или посулов материальных благ, образует некую веру в легитимность, компоненты которой не так-то легко проанализировать. Однако такие сплавы любопытны постольку, поскольку указывают на то, что позитивистски ввести нормы в действие недостаточно, для того, чтобы надолго обеспечить их социальную значимость» (Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 97).

¹² Дж. Марсиа понимал ее в смысле рассеивания, неопределенности человека в выборе жизненных целей, принятия решений.

¹³ Авторская позиция по этой проблеме изложена в связи с теорией субкультурных сообществ: Исаева Н.В. Субкультурные сообщества в контексте правовой идентичности // Научный поиск. 2015. № 1.3. С. 23-27.

⁹ Исаева Н.В. Феноменология правовой идентичности // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики: сб. науч. тр. / Под общ. ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. Минск: Академия МВД, 2017. С. 79.

¹⁰ Для анализа состояния правовой идентичности принята разработанная американским социальным психологом Дж. Марсиа модель статусов идентичности. См.: Marcia J.E., Friedman M.L. Ego identity status in college women // J. Person. 1970. V. 38. № 2. P. 249-268; Marcia J.E. Identity in adolescence // Adelson J. (ed.) Handbook of adolescent psychology. N.Y.: John Wiley, 1980, получившая развитие в работах по социальной психологии российских ученых, в частности, Н.В. Антоновой. См.: Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131-143; URL:<http://www.voppsy.ru/issues/1996/961/961131.htm>.

¹¹ Ю. Хабермас, размышляя о способах принятия социальной нормативности, писал, что «утверждение норм кодировано дважды, поскольку мотивы признания притязаний на нормативную значимость могут основываться как на убеждениях, так и на санкциях, или же на сложной смеси внутреннего убеждения и внешнего принуждения. Как правило, рационально мотивированное согласие в сплетении с неким смиренным, достигнутым эмпирическим путем, а именно

Субъективный аспект правовой идентичности как правового качества субъекта может быть охарактеризован посредством выделения свойств¹⁴ как моментов, предпосылок важных для формирования качества. Существенными являются прежде всего *внутренне* ориентированные предпосылки — *потребность* формирования правовой идентичности как субъективно переживаемая направленность (интенция) на развитие, самопознание, самосознание, а также *внешне* выраженная *возможность* формирования правовой идентичности. С одной стороны, эта возможность представлена *в наличии правовых оснований*, а с другой — выступает *признанной* способностью и вышеназванной потребностью субъекта осваивать предлагаемые основания правовой идентичности¹⁵.

Достижение правовой идентичности является результатом ценностно-смысловой рефлексии права. Оно предстает как та часть правовой культуры, которая ориентирована на отношение к праву как положительному результату человеческой деятельности, важному элементу прогрессивной эволюции общества, получающему выражение не только в расширении каталога прав и свобод, но в качественном изменении их содержания¹⁶. Это понимание немаловажно и для мигрантов, и для государств, их принимающих.

К сожалению, современные государства не спешат реализовать на практике новые научные методы познания социальной реальности, в том числе правовой, влияния на ее формирование. Очевидно, стоит прислушаться к мнению бельгийского профессора Марка ванн Хука о необходимости использования в правовой сфере, включая правовую практику, теории коммуникации, даже, если она не идеальна, поскольку «представляет право как средство человеческого взаимодействия», а само «...понятие коммуникации призывает учитывать различные точки зрения и призывает к диалектическому обмену точками зрения»¹⁷.

¹⁴ Такое соотношение категорий качества и свойства рассматривается как их новейшее философское понимание. См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010; URL: <http://iph.ras.ru/elib/1402.html>.

¹⁵ Исаева Н.В. Феноменология правовой идентичности. С. 80.

¹⁶ Об исторически и социокультурной обусловленности изменения содержания и понимания прав человека обстоятельно написала Д.И. Луковская в серии статей, опубликованных в 2007 г. в журнале «История государства и права», № 11-15, а также в журнале «Правоведение» за 2009 г. № 2.

¹⁷ Хук ванн М. Право как коммуникация / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 21.

Доминирующее в миграционной политике утилитарное отношение к праву приводит к сохранению этатистско-патерналистских настроений, к негативной практике иждивенчества, получившей распространение во многих западных странах в условиях глобализации и миграции населения. Практика показала, что социальное государство, остающееся на позициях классической догматики и через правовые механизмы дающее благо, но не воспитывающее (и не создающее для этого условий) в человеке потребность формирования правовой идентичности, юридического самоопределения субъекта, основанного на ценностном освоении прав, свобод, обязанностей и ответственности, развращает, порождает риск социальных конфликтов и беспорядков. Примером чему могут служить выступления мигрантов во Франции в 2008 г., в Англии — в 2011 г. Достигнутая правовая идентичность и будет представлять те самые «коммуникативные границы»¹⁸, которые обеспечат снижение социальной напряженности, позволят решать проблемы социокультурного включения мигрантов в принимающее общество.

Этатистский подход, элиминирующий человеческую личность, которая, как пишет А.В. Поляков, является «своего рода Grundnorm»¹⁹, не только консервирует патернализм, но и порождает ряд проблем в отношениях с мигрантами. Никто не оспаривает необходимость выделения тех или иных социальных групп, в том числе в целях оказания поддержки, включая сохранение обычаев, традиций и религиозных верований. Однако необходимо помнить, что *социальный компонент идентичности*, представленный отнесением себя к определенной социальной группе, имеет юридическое основание *в специальном правовом статусе*. Социальный компонент идентичности, основанный на специальной правоспособности, может иметь как положительное влияние на развитие и самореализацию субъекта (дополнительные возможности раскрытия личностного потенциала, индивидуальности), так и отрицательное (риск нарушения принципа формального равенства)²⁰.

¹⁸ Антоновский А. Ю. Коммуникативная философия знания: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки. М.: Ин-т филос. РАН, 2015. С. 9.

¹⁹ Эффективность правового регулирования: коммуникативный подход / Поляков А.В. // Эффективность правового регулирования: монография / Под общ. ред. А.В. Полякова, В.В. Денисенко, М.А. Беляева. М.: Проспект, 2017. С. 13.

²⁰ Подробнее с позицией автора по этому вопросу можно познакомиться в работе: Исаева Н.В. Особенности социального аспекта правовой идентичности личности // Научный поиск. 2016. № 2.1. С. 9-11.

Акцент на социальном аспекте идентичности может подчеркнуть, с одной стороны, включенность индивида в горизонтальные связи и спровоцировать настроения социального превосходства в случае доминирования возможностей над обязанностями и отсутствию ответственности (печальная практика игнорирования асоциального поведения представителей мигрантских сообществ правоохранительными органами европейских стран), а с другой — ущербность, которая не компенсируется отдельными льготами, особенно, если они носят несистематизированный, случайный и нередко политизированный характер. Все это также может провоцировать социальную напряженность, ксенофобию.

В контексте правовой идентичности как категории научного анализа мультикультурность (мультикультурализм) представляется не только и не столько как получающая все большее распространение изолированность, фактически резервация, мигрантов в специальных районах с сохранением их языка и прочих отличий (что характерно, в частности, для Германии, Франции, Великобритании), но и как создание *единой правовой среды на основе формального равенства, свободы и справедливости (равенства в свободе)*. Право может обеспечить полноценное социальное включение, но для этого необходимо понять важность создания условий для формирования правовой идентичности и не только как процедур, легализующих лицо (регистрация), но и *действий по формированию потребности ценностно-смыслового отношения к праву страны пребывания как условию развития личности в качестве субъекта права*²¹.

Кроме того, отсутствие объединяющей идеи понимания сущности права даже в государствах с так называемой развитой демократией может приводить к отнюдь недемократическим примерам. Так, в США развитие идеологии мультикультурализма за пределами понимания права

как формального равенства приводит к оправданию насилия и даже убийств, совершаемых лицами и в отношении лиц, историческое и культурное происхождение которых правосудие связывает с «незападными» субкультурами²².

Очевидно, либерализация и демократизация государственного управления в условиях глобализации должны базироваться не на возможности искусственной консервации способов нецивилизованного правового регулирования в отношении представителей традиционного общества, а на *действительном признании этих лиц частью сообщества*, способного предложить более высокий уровень социальных связей и их защиты. На этот уровень зачастую и рассчитывают представители «незападных» культур, приезжая в страны с иной культурой, в том числе правовой. Эти люди осваивают новую для них культуру в процессе социального и правового самоопределения и рассчитывают на гарантированную конституциями равную защиту со стороны закона²³.

В противном случае государство само провоцирует тот самый «конфликт идентичностей», о котором беспокоится С. Хантингтон²⁴. Более того, нарушая принцип формального равенства как сущности права, оно элиминирует как собственную значимость, так и значимость предлагаемых оснований правовой идентичности, тогда как право в сущностном и содержательном выражении как объект идентичности призвано снижать социальную напряженность, предлагая справедливые способы разрешения конфликтов. Именно это определяет отличие правовой идентичности от других идентичностей, присущих человеку. Она не противопоставляет субъектов, а различает их, позволяя обрести индивидуальность, целостность и единство с другими.

Игнорирование государством способности субъекта права к самоопределению, его потребности достижения правовой идентичности ведет не только к росту уязвимости определенных

²¹ О необходимости унификации юридического мировоззрения как основы принятия мультикультурализма пишет профессор права юридического университета г. Глазго Эсин Оруку, полагающий, что основные ценности, связанные с правами и свободами человека, должны превалировать над прочими претензиями на «исключительность», а культурное многообразие следует рассматривать как то, что придает «вкус жизни» и должно оставаться в рамках культуры (Ogucu E. Diverse cultures and official laws: Multiculturalism and Euroscepticism // Utrecht law rev. Utrecht, 2010. Vol. 6. № 3. S. 75-88; Оруку Э. Культурное многообразие и правовые системы: мультикультурализм и евроскептицизм / Полунин Б.Л. // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4 // Государство и право. 2011. № 4. С. 17-23).

²² Поленина С.В. Мультикультурализм и права человека в условиях глобализации // Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика / Отв. ред. С.В. Поленина. М.: Формула права, 2006. С. 337-338.

²³ Отечественными исследователями высказывается обеспокоенность по поводу того, что «глобальные процессы без прочной правовой основы неизбежно приводят и будут приводить к деформациям, перекосам, поляризации неравенства» (Лукашева Е.А. Права человека в России в условиях глобализации // Право и права человека в условиях глобализации (материалы научной конф.). Посвящается 80-летию ИГП РАН / Отв. ред. Е.А. Лукашева, Н.В. Колотова. М.: ИГП РАН, 2006. С. 9).

²⁴ Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2004. С. 52.

слоев, но и к потенциальной возможности роста социальной напряженности среди граждан самих принимающих обществ. Так, если для граждан ФРГ стабильность достигнутой правовой идентичности была нормальным явлением, обеспечивающим и устойчивость правопорядка, и легитимность права, то теперь это становится не очевидным. Опасность заключается не только в росте недоверия правовой системе, но и в изменении типа мышления, следствием чего является переход к навязанной правовой идентичности, когда собственное правонарушающее поведение ищет оправдание в аналогичном поведении «Другого». Тем самым государство ставит под сомнение и свою способность обеспечения функции единства и стабильности правопорядка, а вместе с тем и собственной легитимности, и устанавливаемых правил.

Названные проблемы актуальны и для России. Практика последних лет делает все более очевидным весьма ограниченное понимание социальной функции государства как возможности посредством юридических механизмов, прежде всего, принятия законов и административных актов, быть главным распределителем бюджетных ресурсов, выделяя те или иные в зависимости от политической ситуации, социальных групп, нуждающихся, по мнению государства, в поддержке, вместо создания социально-правовых условий для развития возможностей и индивидуальности каждого, в том числе лиц, прибывающих в Россию.

Господство позитивистской догматики продолжает оказывать отрицательное влияние на официальную доктрину взаимодействия человека и государства, нашедшую, в частности, отражение и в методологии модернизации России, задачи которой, по мнению ряда ученых, ориентированы не на внимательное отношение к каждому человеку, а на технологическую сторону, выражающуюся в реструктуризации аппарата и фактическом содействии российским корпорациям в их бизнес-проектах. Тогда как по данным Института социологии РАН (март-апрель 2010 г.) более 40% опрошенных ключевую идею модернизации видят в необходимости соблюдения гарантированных конституцией прав человека и равенства всех перед законом²⁵.

Государство, российское и западное, никак не может осознать идею, высказанную известным отечественным ученым-юристом

²⁵ Глухарева Л.И. Гуманитарные задачи модернизации правовой системы России // Модернизация правовой системы России: проблемы теории и практики: Муромцевские чтения: Материалы XI Междунар. науч. конф. Москва, 14.04.2011 / Под ред. Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева. М.: РГГУ, 2011. С. 118-119.

И.А. Покровским еще столетие назад, о том, что усреднение, типизация субъекта права продуктивны лишь на определенной ступени развития политико-правовых отношений. Их развитие, как и развитие общества в целом, с неизбежностью ведет к усилению «сознания самобытности и особенности каждой отдельной личности, и вместе с тем начинает чувствоваться потребность в праве на эту самобытность, в праве на индивидуальность»²⁶. Последнее находит свое выражение в потребности формирования и религиозной, и правовой идентичностей социального субъекта. Эта потребность должна учитываться государством, политика мультикультурализма которого может как спровоцировать нездоровую конкуренцию идентичностей, так и снять напряженность социально-правового общения прибывающих и принимающей стороны. При этом важно помнить, что именно право позволяет реализовать свободу совести. Однако его нормы должны создавать формально равные условия для всех социальных субъектов.

Таким образом, отличие таких видов социальной идентичности как религиозная и правовая кроется в том, что последняя ориентирована на правовую систему и общество в целом, а религиозная — на часть общества, что может породить социальный конфликт и противостояние. Только создание условий для формирования устойчивой правовой идентичности, основанной на ценностном восприятии права, а также признание субъекта права способным делать осознанный выбор позволят формировать неконфликтную социально-правовую реальность, снижая тем самым риски легитимации права в условиях глобальной миграции.

Список литературы

1. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131-143.
2. Антоновский А.Ю. Коммуникативная философия знания: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки. М.: Ин-т филос. РАН, 2015. 176 с.
3. Белинская Е.П. Временные аспекты «Я»-концепции и идентичности // Мир психологии. 1999. № 3. С. 140-147.
4. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. 528 с.
5. Глухарева Л.И. Гуманитарные задачи модернизации

²⁶ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 4-е изд. испр. (Классика российской цивилистики). М.: Статут, 2009. С. 121.

- правовой системы России // Модернизация правовой системы России: проблемы теории и практики: Муромцевские чтения: Материалы XI Междунар. науч. конф. Москва, 14.04.2011 / Под ред. Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева. М.: РГГУ, 2011. С. 117-124.
6. Исаева Н.В. Правовая идентичность: проблемы теории и практики. Иваново: ИВГУ, 2009. 159 с.
 7. Исаева Н.В. Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование): монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 416 с.
 8. Исаева Н.В. Феноменология правовой идентичности // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики: сб. научн. тр. / Под общ. ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. Минск: Академия МВД, 2017. С. 77-86.
 9. Исаева Н.В. Правовая идентичность как категория права и теоретико-правового анализа: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 360 с.
 10. Исаева Н.В. Субкультурные сообщества в контексте правовой идентичности // Научный поиск. 2015. № 1.3. С. 23-27.
 11. Исаева Н.В. Особенность социального аспекта правовой идентичности личности // Научный поиск. 2016. № 2.1. С. 9-11.
 12. Лукашева Е.А. Права человека в России в условиях глобализации // Право и права человека в условиях глобализации (материалы научной конференции) / Отв. ред. Е.А. Лукашева, Н.В. Колотова. М.: ИГП РАН, 2006. С. 8-21.
 13. Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010; URL:<http://iph.ras.ru/elib/1402.html>.
 14. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 4-е изд. испр. (Классика российской цивилистики). М.: Статут, 2009. 432 с.
 15. Поленина С.В. Мультикультурализм и права человека в условиях глобализации // Государство и право. 2005. № 5. С. 66-78.
 16. Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. 415 с.
 17. Рябов О.В. Национальная идентичность: гендерный аспект (на материале русской историософии): Дисс. ... докт. философ. наук. Иваново, 2000. 300 с.
 18. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем., под ред. Д.В. Складнева, послесл. Б.В. Маркова. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
 19. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. М.: АСТ, 2008. 637 с.
 20. Хук ванн М. Право как коммуникация / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб.: СПбГУ, 2012. 288 с.
 21. Эффективность правового регулирования: монография / Под общ. ред. А.В. Полякова, В.В. Денисенко, М.А. Беляева. М.: Проспект, 2017. 240 с.
 22. Marcia J.E. Identity in adolescence // Adelson J. (ed.) Handbook of adolescent psychology. N.Y.: John Wiley, 1980. P. 159-187.
 23. Marcia J.E., Friedman M.L. Ego identity status in college women // J. Person. 1970. V. 38. № 2. P.249-268.
 24. Orucu E. Diverse cultures and official laws: Multiculturalism and Euroscepticism // Utrecht law rev. Utrecht, 2010. Vol. 6. № 3. P. 75-88.

Legitimacy of Law in the Context of Competition of Identities and Multiculturalism

Isaeva N. V.,

PhD in History, Associate Professor,
Head of the Department of Constitutional,
Administrative and Financial Law,
Ivanovo State University

Abstract. *The article analyses the factors and preconditions that complicate the law legitimation processes in the context of global migration and the modern states' multiculturalism policies based on the statist-paternalistic approach, which gives rise to social parasitism and conflicts, as well as to the identities competition, particularly the one of the religious-ethnic and legal identities. The legal identity differs from the religious one in the fact that the former is oriented to the legal system and society as a whole, and the latter — to a part of the society, which may give rise to a social conflict and confrontation of different communities and the whole society. In order to overcome this kind of competition, the author substantiates the necessity of methodology and practices based on the recognition of a person's ability to develop and assimilate the values and senses inherent to the law, to use them for self-understanding, personal fulfillment and achieving his or her legal identity — that is, the legal characteristic which excludes the criminal misbehavior as a factor infringing upon a person's integrity and selfhood, and, at the same time, a factor which provides the legal order stability and legitimacy of the law.*

Keywords: *legitimacy, law, personality, identity, legal identity.*

References

1. Antonova N.V. Problema lichnostnoj identichnosti v interpretatsii sovremennogo psikhoanaliza, interaktsionizma i kognitivnoj psikhologii // *Voprosy psikhologii*. 1996. № 1. S. 131-143.
2. Antonovskij A.Yu. Kommunikativnaya filosofiya znaniya: ot teorii kommunikativnykh media k sotsialnoj filosofii nauki. M.: In-t filos. RAN, 2015. 176 s.
3. Belinskaya E.P. Vremennye aspekty «Ya»-kontseptsii i identichnosti // *Mir psikhologii*. 1999. № 3. S. 140-147.
4. Vengerov A.B. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov. 3-e izd. M.: Yurisprudentsiya, 2000. 528 s.
5. Glukhareva L.I. Gumanitarnye zadachi modernizatsii pravovoj sistemy Rossii // *Modernizatsiya pravovoj sistemy Rossii: problemy teorii i praktiki: Muromtsevskie chteniya: Materialy XI Mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 14.04.2011 / Pod red. N.I. Arkhipovoj, S.V. Timofeeva. M.: RGGU, 2011. S. 117-124.*
6. Isaeva N.V. Pravovaya identichnost: problemy teorii i praktiki. Ivanovo: IvGU, 2009. 159 s.
7. Isaeva N.V. Pravovaya identichnost (teoretiko-pravovoe issledovanie): monografiya. M.: Yurlitinform, 2013. 416 s.
8. Isaeva N.V. Fenomenologiya pravovoj identichnosti // *Sovremennye podkhody k ponimaniyu prava i ikh vliyanie na razvitiye otraslevoj yuridicheskoy nauki, zakonodatelstva i pravoprimitelnoj praktiki: sb. nauchn. tr. / Pod obsch. red. V.I. Pavlova, A.L. Savenka. Minsk: Akademiya MVD, 2017. S. 77-86.*
9. Isaeva N.V. Pravovaya identichnost kak kategoriya prava i teoretiko-pravovogo analiza: monografiya. M.: Yurlitinform, 2014. 360 s.
10. Isaeva N.V. Subkulturnye soobshchestva v kontekste pravovoj identichnosti // *Nauchnyj poisk*. 2015. № 1.3. S. 23-27.
11. Isaeva N.V. Osobennost sotsialnogo aspekta pravovoj identichnosti lichnosti // *Nauchnyj poisk*. 2016. № 2.1. S. 9-11.
12. Lukasheva E.A. Prava cheloveka v Rossii v usloviyakh globalizatsii // *Pravo i prava cheloveka v usloviyakh globalizatsii (materialy nauchnoj konferentsii) / Otv. red. E.A. Lukasheva, N.V. Kolotova. M.: IGP RAN, 2006. S. 8-21.*
13. Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.
14. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Mysl, 2010; URL:<http://iph.ras.ru/elib/1402.html>.
15. Pokrovskij I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. 4-e izd. ispr. (Klassika rossijskoj tsivilistiki). M.: Statut, 2009. 432 s.
16. Polenina S.V. Multikulturalizm i prava cheloveka v usloviyakh globalizatsii // *Gosudarstvo i pravo*. 2005. № 5. S. 66-78.
17. Religiya v samosoznanii naroda (religioznyj faktor v identifikatsionnykh protsessakh) / Otv. red. M.P. Mchedlov. M.: In-t sotsiologii RAN, 2008. 415 s.
18. Ryabov O.V. Natsionalnaya identichnost: gendernyj aspekt (na materiale russkoj istoriosofii): Diss. ... dokt. filosof. nauk. Ivanovo, 2000. 300 s.
19. Khabermas Yu. Moralnoe soznanie i kommunikativnoe dejstvie / Per. s nem., pod red. D.V. Sklyadneva, poslesl. B.V. Markova. SPb.: Nauka, 2000. 380 s.
20. Khantington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsionalnoj identichnosti / Per. s angl. M.: AST, 2008. 637 s.
21. Khuk vann M. Pravo kak kommunikatsiya / Per. s angl. M.V. Antonova i A.V. Polyakova. SPb.: SPbGU, 2012. 288 s.
22. Effektivnost pravovogo regulirovaniya: monografiya / Pod obsch. red. A.V. Polyakova, V.V. Denisenko, M.A. Belyaeva. M.: Prospekt, 2017. 240 s.
23. Marcia J.E. Identity in adolescence // Adelson J. (ed.) *Handbook of adolescent psychology*. N.Y.: John Wiley, 1980. P. 159-187.
24. Marcia J.E., Friedman M.L. Ego identity status in college women // *J. Person*. 1970. V. 38. № 2. P. 249-268.
25. Orucu E. Diverse cultures and official laws: Multiculturalism and Euroscepticism // *Utrecht law rev. Utrecht*, 2010. Vol. 6. № 3. P. 75-88.